

В душе я издевалась над этими головорезами: я была уверена, что мой Олег уже далеко отсюда. Видно, он успел уже спрятаться, а может быть, и перешел линию фронта.

Наступила тревожная, без сна, ночь. Утром полицейских сменили новые два, а тех — снова другие. Трое суток просидели они в нашей квартире, ожидая возвращения Олега.

На четвертый день меня вызвали в полицию. Я попала к следователю Кулишеву, такому же выродку, как и Захаров. Он со злобой сказал мне:

— Ну, запрятала сынка? Так садись же за него сама! А то какая же ты мать, если не знаешь, где твой сын?

— Я говорю правду, — ответила я. — Не знаю, куда пошел мой сын.

Кулишев стукнул кулаком по столу, вскочил:

— Нужно и тебя повесить вместе с твоим сыном! Слушай же! Твой сын организовал банду, занимался диверсией, убивал представителей немецкой власти...

Помертвевшая, слушала я Кулишева. Он знал все: и о работе Олега в «Молодой гвардии», и о немецких машинах с подарками, и о листовках, и об организации комсомола. Вдруг он поднес к моим глазам комсомольский билет:

— Чья это подпись, ну?!

Это была подпись Олега: Кашук.

— Не знаю. Почерк не моего сына, да и фамилия не та: Кашук. Мой сын — Кошевой.

Кулишев опять начал кричать на меня, стучал кулаком по столу, сыпал угрозами. Вошел начальник полиции Соликовский. Он зверем взглянул на меня, сквозь зубы прошипел:

— Глупой прикидываешься? Почерка не узнаешь? Может, теперь узнаешь?